

Время мертво, пока его отсчитывают маленькие колесики; только когда останавливаются часы, время оживает.

Уильям Фолкнер

ГЛАВА 1

00:02

Как долго они умирали?

Человек, которому задали этот вопрос, казалось, не слышал его. Он смотрел в зеркало заднего обзора, полностью сосредоточившись на дороге. Только что миновала полночь, и в Нижнем Манхэттене был гололед. Холодный фронт очистил небо от облаков, превратив выпавший незадолго до того снег в гладкую блестящую корку на асфальте. В грохочущем «пластыремобиле», как Умница Винсент прозвал внедорожник желтовато-коричневого цвета, сидели двое мужчин. Машина была уже далеко не новой. Тормоза нуждались в починке, а покрышки — в срочной замене. Но отдавать в починку угнанный автомобиль было бы глупо. Ведь двое его недавних пассажиров теперь трупы.

Водитель, худощавый мужчина лет пятидесяти с гаком, аккуратно подстриженный брюнет, осторожно свернул на боковую улицу и продолжил путь, не увеличивая скорость, с изящной точностью вписываясь в повороты и не выбываясь из своего ряда. Он будет так же идеально управлять машиной на любом асфальте, в жару и в гололед, и не важно, имел его автомобиль отношение к убийству или нет.

Осторожно, педантично...

«Как долго?»

Большого Винсента, Винсента с длинными, толстыми, как сосиски, всегда влажными пальцами, Винсента, затянутого тугим коричневым ремнем, страшно трясло.

После вечерней смены — он занимался компьютерной обработкой текстов — Винсент ждал на углу улицы. На улице был жуткий холод, но Винсент ненавидел вестибюль своего офиса. Освещение там зеленоватого цвета, на стенах — большие зеркала, в которые он мог хорошо разглядеть свою пухлую фигуру под любым углом зрения. Поэтому Винсент вышел на чистый морозный декабрьский воздух и стал мерить шагами асфальт, пожевывая длинный шоколадный батончик. К тому моменту, о котором идет речь, он уже начал второй.

Когда Винсент поднял глаза на полную луну, ослепительно-белый диск, на мгновение показавшийся в расщелине между зданиями, Часовщик размышлял вслух:

— Как долго они умирали? Интересно.

Винсент знал Часовщика, настоящее имя которого было Джеральд Дункан, очень недолго, но уже понимал, что задавать подобные вопросы рискованно. Даже самая невинная попытка что-либо уточнить могла вызвать нескончаемый поток объяснений. Уж он-то умел говорить. И отвечал всегда правильно и красиво, словно университетский профессор. Винсент понимал, что молчит Дункан на протяжении нескольких последних минут потому, что обдумывает ответ.

Винсент открыл банку пепси. Он замерз, но организм требовал сладенького. Он выпил содержимое одним глотком, а пустую банку сунул в карман. Закусил арахисовыми крекерами. Дункан взглянул на него, чтобы убедиться, что Винсент в перчатках. В «пластыремобиле» они всегда были в перчатках.

«Педантично...»

— Полагаю, на этот вопрос можно дать несколько разных ответов, — произнес наконец Дункан своим тихим, лишенным интонаций голосом. — К примеру, моей первой жертве было двадцать четыре года, поэтому можно сказать, что он умер ровно двадцать четыре года.

Ну и хохмач, подумал Умница Винсент с сарказмом подростка, хотя вынужден был признать, что столь очевидный ответ ему самому в голову не пришел.

— Другому, полагаю, было года тридцать два.

Мимо проехал полицейский автомобиль. В противоположном направлении.

Кровь застучала в висках у Винсента, а Дункан и бровью не повел. Копы не проявили ни малейшего интереса к краденому «эксплореру».

— Есть, конечно, и еще один вариант ответа на вопрос, — продолжил Дункан, — он состоит в подсчете времени, прошедшего с момента, как я приступил к делу, до того мгновения, когда их сердца остановились. Вероятно, именно это ты и имел в виду. Видишь ли, людям нравится втискивать время в понятные им рамки. Ну что ж, вполне оправданное занятие, пока оно им помогает. Вынужден согласиться, знание того, что мышечные сокращения происходят через каждые двадцать секунд, очень полезно. Равно как и знание того, что если легкоатлет пробежит милю за три минуты пятьдесят восемь секунд, то он выиграет соревнования. Ну, если уж отвечать конкретно на вопрос, сколько времени они умирали сегодня... полагаю, не так важно, сколько времени, главное, что смерть наступала медленно. — Он бросил взгляд на Винсента. — Только не подумай, что я пытаюсь критиковать тебя за твой вопрос.

— Нет, конечно нет, — откликнулся Винсент. Да его, собственно, не так уж и заботило, критикует его Дункан или нет. Винсент Рейнольдс не мог похвастаться обилием друзей, поэтому ему приходилось мириться со многим в характере Джеральда Дункана. — Мне было просто интересно.

— Понимаю. Но я в самом деле не обратил внимания. В следующий раз обязательно засеку время.

— Девушка? Завтра? — Сердце Винсента забилося немного сильнее.

Дункан кивнул.

— Ты хочешь сказать, сегодня вечером.

Было за полночь. Уже наступил новый день. С Джеральдом Дунканом приходилось быть точным во всем, особенно когда дело касалось времени.

— Да, конечно.

Умницу Винсента оттеснял Голодный Винсент, как только он начинал думать о Джоанне, девушке, которая должна была умереть следующей.

«Сегодня вечером...»

Убийца ехал, петляя по улицам, к их временному жилищу в районе Челси на Манхэттене, к югу от центра, у самой реки. Кругом было пусто. Температура перевалила за десять градусов мороза, и холодный ветер свободно гулял по узким улочкам.

Дункан остановил машину у тротуара и выключил мотор. Оба вышли. Полквартала брели под ледяным ветром, дувшим в лицо. Дункан бросил взгляд на свою тень под ногами, которую отбрасывал благодаря свету луны, что сейчас висела в небе у них за спиной.

— Я подумал о еще одном возможном ответе. На вопрос о том, сколько времени они умирали.

Винсент снова задрожал. Из-за сильного холода, конечно, но не только из-за него.

— Если ты попробуешь оценить это время с их точки зрения, — продолжал убийца, — то поймешь, что для них оно длилось вечно.

ГЛАВА 2

7:01

Что такое?

В своем скрипучем кресле в теплом кабинете высокий мужчина крепкого телосложения пил кофе, глядя в сторону дальнего конца пирса, освещенного ярким утренним светом. Он руководил утренними работами по ремонту буксирного судна, проводившимися на Гудзоне к северу от Гринвич-Виллидж. В док минут через сорок должен был прибыть «Моран», но в данный момент пирс был пуст, и контролер наслаждался теплом внутренней части ангара. Он сидел, положив ноги на стол, а чашку с кофе поставил себе на грудь. Сейчас ему пришлось

встать, протереть запотевшее окно и снова взглянуть в ту сторону.

«Что это?»

У самого края пирса со стороны Джерси стояла небольшая черная коробка. Вчера в шесть часов, когда их ангар закрылся, там ничего такого не было, а с тех пор в док явно никто не входил. Значит, коробку принесли с суши. Ангар и прилегающая территория обнесены цепью, чтобы туда не проник никто из пешеходов и случайных прохожих, тем не менее, как было хорошо известно контролеру по время от времени пропадающим инструментам и постоянно появляющемуся мусору, если кому-то захочется проникнуть сюда, его ничто не остановит.

Но зачем бросать здесь какие-то подозрительные предметы?

Контролер несколько минут всматривался в окно. Там, на улице, холодно, ледяной ветер, а здесь такой горячий и вкусный кофе. И все-таки в конце концов решил: нет, черт, лучше проверить. Он натянул толстую серую куртку, перчатки, шапку и, сделав последний глоток кофе, вышел на морозный воздух.

Он шел навстречу ветру вдоль пирса, устремив слезящиеся глаза на черную коробку.

Черт, что это такое? Предмет был прямоугольный, меньше фута в высоту, что-то на передней стороне отражало лучи утреннего солнца. Контролер прищурился, пытаясь рассмотреть, что там такое. Внизу воды Гудзона, покрытые белыми барашками волн, с грохотом бились об ограждения.

На расстоянии десяти футов от коробки он остановился, поняв вдруг, что перед ним.

Часы... Давно вышедшие из употребления, со смешными римскими цифрами и изображением полной луны на циферблате. Кажутся довольно дорогими. Контролер взглянул на собственные наручные часы и понял, что часы на коробке идут, и идут точно. Кому могло прийти в голову оставить здесь такую совсем не дешевую вещь?

Ну что ж, как бы то ни было, судьба преподнесла ему милый презент.

Сделав шаг, чтобы поднять их, контролер то ли поскользнулся, то ли нога подвернулась, и на какое-то мгновение его охватила паника: ему показалось, что он сейчас упадет в реку. Но в конце концов контролер все-таки благополучно приземлился на кусок льда, который поначалу не заметил.

Морщась от боли и задыхаясь, контролер поднялся на ноги. Бросил взгляд вниз и понял, что перед ним не обычный лед. Он почему-то был красновато-коричневого цвета.

— О боже! — прошептал контролер, осознав, что смотрит на огромную лужу замерзшей крови, образовавшуюся как раз рядом с часами. Он наклонился вперед, и ему сделалось совсем не по себе, когда он понял, каким образом туда попала кровь. На деревянном настиле пирса контролер заметил следы, очень напоминавшие окровавленные отпечатки ногтей, словно кто-то с пораненными пальцами или перерезанными венами отчаянно хватался за края опалубки, стараясь удержаться и не упасть в бурлящие воды реки.

Он подполз к краю и взглянул вниз. В бивших о края пирса волнах ничего и никого не было видно. Это контролера не удивило. Замерзшая кровь означала, что бедняга побывал здесь давно, и если его никто не спас, то к настоящему времени его тело находится где-нибудь на полпути к Либерти-Айленду.

Контролер отступил назад, зубами стянул перчатку, пытаясь нащупать содовый. Еще один, последний, взгляд на часы, и он спешит назад в ангар, набирает номер полиции толстым трясущимся пальцем.

До и После.

Город изменился после того сентябрьского утра — взрыв, огромные столбы дыма, рухнувшие небоскребы...

Это невозможно забыть. Можно говорить о стойкости, об отваге, спокойной решительности ньюйорк-

цев, и все сказанное будет правдой. Но люди все равно невольно останавливаются, когда самолеты заходят на посадку, приближаясь к Ла-Гардиа, и почему-то кажется, что летят они значительно ниже, чем следует. Вы переходите на другую сторону улицы, за много футов обходя брошенный пластиковый пакет. И вас не удивляют солдаты или полицейские в темной форме с черными автоматами в руках.

День благодарения с его парадом прошел без инцидентов, и вот теперь в полном разгаре было Рождество, наполняя улицы толпами гуляющих. Но над всеми торжествами, подобно отражению в праздничной витрине магазина, плавал неизменный образ навсегда исчезнувших башен и вместе с ними навсегда исчезнувших людей. И конечно же, громадный вопрос: что будет следующим?

У Линкольна Райма были свои «До и После», и он очень хорошо понимал значение этих слов. Было время, когда он жил нормально, как все, потом наступило другое время, когда он больше не мог жить нормально. Всего мгновение назад он был здоровым мужиком, как все; он проводил осмотр места преступления, а минуту спустя бревно садануло его по шее, и он стал практически полным паралитиком от плеч до самых ступней.

До и После...

В жизни бывают мгновения, которые меняют вас раз и навсегда.

И все же Линкольн Райм считал, что, если возводить это в культ, события приобретут над вами еще большую силу. И плохие парни победят.

Именно об этом думал Райм холодным утром вторника, слушая дикторшу Национального общественного радио, уверенным голосом говорившую о параде, намеченном на послезавтра, за которым последуют различные церемонии и выступления правительственных чиновников. Все они по логике должны были бы проходить в столице страны. Но в Штатах царил настрой солидарности с Нью-Йорком, и потому можно было ожи-

дать многолюдных зрительских толп, а также толп протестующих, которые в скором времени запрудят улицы, сделав жизнь полиции в районах вокруг Уолл-стрит невыносимой. В спорте происходило то же, что и в политике: дополнительные матчи, которые должны были проходить в Нью-Джерси, перенесли в Мэдисон-Сквер-гарден в качестве демонстрации патриотизма. Райм не без цинизма задался вопросом: а не стоит ли намеченный на будущий год Бостонский марафон тоже провести в Нью-Йорке?

До и После...

Райм пришел к выводу, что сам он в состоянии «После» мало чем отличается от состояния «До». Его физическое самочувствие, его «горизонт», конечно, изменились. Но по сути он остался тем же человеком, каким был «До»: полицейским и ученым, нетерпеливым, темпераментным (ну да, порой несколько надоедливым), непреклонным, не прощающим некомпетентности и лени. Ему никогда не могло прийти в голову прикрываться своей инвалидностью, предаваться нытью, делать из своего состояния повод для проклятий в адрес всех и вся.

И теперь, слушая новости, он с раздражением узнавал, что в этом городе есть жители, которые только и знают, что жалуются на несправедливость судьбы к ним.

— Я напишу письмо, — сказал он Тому.

Стройный молодой помощник в черных слаксах, белой рубашке и плотном свитере (дом Райма, расположенный на Централ-Парк-Уэст, отличался плохой системой отопления и старой, отслужившей свой срок изоляцией) поднял глаза на Райма от рождественских украшений, развешиванием которых он как раз занимался. Райм оценил, как комично выглядит миниатюрное вечнозеленое деревце на столе, под которым уже лежал распакованный подарок — коробка с бумажными полотенцами.

— Письмо?

Райм стал развивать свою теорию относительно того, насколько патриотичнее в нынешних условиях, несмот-

ря ни на что, продолжать заниматься своим делом, как прежде.

— Я им покажу, где раки зимуют. Думаю, послать письмо следует в «Таймс».

— Почему бы и нет? — отозвался помощник, профессия которого очень часто именуется просто «сиделка» (правда, применительно к женщинам). Сам Том заявлял, что, находясь на службе у Линкольна Райма, выполняет обязанности святого.

— Что я и сделаю безотлагательно! — решительно произнес Райм.

— Великолепно... Хотя...

Райм вопросительно поднял бровь. За время болезни он научился добиваться необычайной экспрессии от своих все еще действовавших частей тела: плеч, лица и головы.

— У большинства людей, говорящих, что они хотят написать письмо, на самом деле руки до него так никогда и не доходят. Люди же, которые пишут письма, обычно никому об этом не говорят, а садятся и делают. Без всяких объявлений. Замечали?

— Спасибо за блестящий экскурс в человеческую психологию, Том. Теперь вы понимаете, что меня ничто не способно остановить.

— Прекрасно, — отозвался Том.

Воспользовавшись специальной сенсорной системой управления инвалидным креслом «Штормовая стрела», криминалист подъехал к одному из полудюжины мониторов с плоским экраном, находившихся в комнате.

— Команда, — произнес он в микрофон, присоединенный к креслу и связанный с системой опознавания голоса. — Текстовый процессор.

На экране послушно открылся «Ворд».

— Команда, печать: «Уважаемый господин редактор». Команда, точка. Команда, новый абзац. Команда, печать. «Я обратил внимание...»

В дверь позвонили, и Том отправился посмотреть, кто пришел.

Райм закрыл глаза, сочиняя свое торжественное обращение к миру, когда внезапно послышался голос:

— Эй, Линк! Счастливого Рождества.

— Угу, тебе того же, — пробурчал Райм в ответ вошедшему в дверь пузатому и взъерошенному Лону Селитто.

Толстому детективу пришлось с большой осторожностью маневрировать по комнате. В Викторианскую эпоху она представляла собой изящную гостиную, а теперь была до отказа забита самым разным судебно-медицинским оборудованием: оптическими микроскопами, электронным микроскопом, устройством для проведения газовой хроматографии, лабораторными стаканами, штативами, пипетками, чашками Петри, центрифугами, реактивами, книгами и журналами, компьютерами, а также толстыми проводами, лежавшими практически повсюду. (Когда Райм начал заниматься судебно-медицинской экспертизой на дому, из-за энергоемкого оборудования у него то и дело вылетали пробки. Он, по всей видимости, потреблял столько же электроэнергии, сколько все остальные жители квартала, вместе взятые.)

— Команда: громкость, уровень три.

Устройство контроля окружающей среды послушно понизило уровень шума.

— Я вижу, ты сегодня не в праздничном настроении, — заметил детектив.

Райм ничего не ответил. Он снова перевел взгляд на монитор.

— Привет, Джексон.

Селитто наклонился и погладил маленького длинношерстного пса, свернувшегося калачиком в коробке с логотипом NYPD¹. Он нашел себе здесь временное пристанище, после того как его владелица, престарелая тетка Тома, недавно отошла в мир иной в Уэстпорте, штат Коннектикут, после продолжительной болезни. Среди всего прочего молодой человек унаследовал и Джексона, гаванского бишона. Решено было, что Джексон будет

¹ Аббревиатура Управления полиции Нью-Йорка.

жить у Райма до тех пор, пока Том не найдет ему достойного хозяина.

— У нас серьезные проблемы, Линк, — сказал Селитто, вставая. Он начал было снимать пальто, но потом передумал. — Господи, какая у тебя холодина! Наверное, рекордные морозы установились?

— Не знаю. На канал погоды редко заглядываю. — Он продолжал размышлять над первым абзацем своего письма редактору.

— Серьезные проблемы, — повторил Селитто.

Райм взглянул на Селитто, вопросительно приподняв бровь.

— Два убийства при сходных обстоятельствах. Более или менее.

— Серьезных проблем в мире хватает, Лон. В том числе и убийств. В чем же особая серьезность этих? — Как частенько случалось в промежутках между расследованием преступлений, Райм пребывал в отвратительном настроении. Из всех неприятностей самой крупной он считал скуку.

Однако Селитто проработал с Раймом много лет и за прошедшие годы приобрел стойкий иммунитет к характеру криминалиста.

— Нам позвонили из Большого дома. Боссы хотят назначить на это дело тебя и Амелию. И кажется, они настаивают.

— Ах, они настаивают?

— Я обещал им не говорить тебе, они же знают, как ты не любишь, когда кто-то настаивает.

— Давай лучше перейдем к более серьезной части, Лон. Ты говоришь, дело очень серьезное?

— А где Амелия?

— В Уэстчестере, занимается одним делом. Скоро вернется.

Детектив сделал жест, означающий «подожди минутку!», — зазвонил его сотовый. Затем последовал разговор, в ходе которого он часто кивал и что-то заносил в блокнот. Завершив беседу, Селитто взглянул на Райма.

— Ну в общем, ситуация такова. Прошлой ночью преступник... Он схватил...

— Он? — переспросил Райм.

— Ну-у... род нам точно не известен.

— Пол.

— Что?

— Род — преимущественно лингвистическое понятие. Он обозначает отнесенность слов к идее мужского или женского в ряде языков. Пол — понятие биологическое, различающее мужские и женские организмы.

— Спасибо за урок грамматики, — пробормотал детектив. — Возможно, он когда-нибудь мне пригодится. Как бы то ни было, преступник схватил какого-то беднягу и отвез его к пирсу на Гудзоне, где ремонтируют лодки. Мы не можем сказать точно, как убийца это сделал, но он заставил парня или девчонку бродить у реки, а потом перерезал ему или ей вены на руках. Жертва какое-то время держалась, потеряв огромное количество крови, ну а потом испустила дух.

— Тело?

— Еще не нашли. Береговая охрана и спецотряды полиции продолжают поиск. Несколько минут спустя к нам был еще один звонок. Из переулка в центре, неподалеку от Сидар-стрит, около Бродвея. Негодяй нашел себе еще одну жертву. Постовой обнаружил парня, лежащего на спине, рот заклеен скотчем. Подонок положил ему на шею железный брус весом примерно в семьдесят пять фунтов. И бедняге пришлось удерживать его изо всех сил.

— Семьдесят пять фунтов? Да, оценивая упомянутый тобою вес и физические возможности преступника, я склоняюсь к тому же выводу, что и ты: пол у него, скорее всего, мужской.

В комнату вошел Том с кофе и печеньем в руках. Селитто, для которого вес тоже был постоянной проблемой, сразу принялся за печенье. Он позволял себе расслабиться только на время праздников. Покончив с половиной угощения и утирая рот, детектив продолжил:

— И так, бедняга держит брус. И наверное, какое-то время выдерживает. Но сам понимаешь: семьдесят пять фунтов. Долго ему все равно не справиться.

— И кто жертва?

— Зовут Теодор Адамс. Жил рядом с Бэттери-парк. Вчера вечером по номеру девять-один-один позвонила женщина и сообщила, что ее должен был встретить брат — они собирались вместе поужинать, — но он так и не появился. Она назвала имя. Сержант из тамошнего участка должен был позвонить ей сегодня утром.

Линкольн Райм обычно не любил смягченные описания событий. Хотя в данном случае вынужден был признать, что слово «серьезная» как нельзя более точно характеризовало ситуацию.

Равно как и слово «интригующая».

— А почему ты полагаешь, что все это дело рук одного и того же негодяя?

— В обоих случаях подонок оставлял свою «визитную карточку». Часы.

— Как в «Тик-так»?

— Верно. Первые стояли рядом с лужей крови на пирсе. Вторые находились рядом с головой Адамса. Складывается впечатление, что преступник хотел, чтобы его жертвы видели их. И, полагаю, слышали.

— Опиши их. Эти часы.

— Выглядят они довольно старомодно. Вот, пожалуй, и все, что я могу о них сказать.

— Не бомба? — Теперь — во времена, именуемые «После», — все, что тикает, обязательно проверяется на наличие взрывчатки.

— Не-а... Не взрывается. Но их все равно направили в Родменз-Нек для проверки на наличие биологических или химических элементов. Кажется, и те и другие часы одинаковой марки. Говорят, в них есть что-то зловещее. На циферблате — луна. И на тот случай, если мы плохо просекаем, он оставил еще и записку под часами. Компьютерную распечатку. Он не дурак демонстрировать нам свой почерк.

— И там говорилось...

Селитто взглянул на свои записи, не полагаясь на память. Райму нравилась эта привычка детектива. Селитто не гений сыска, зато он настоящий «бульдог», делает все медленно, но безукоризненно.

Селитто прочел:

— «В небе полная Холодная луна освещает труп земли, указывая час смерти и окончания пути, начатого в момент рождения». — Дочитав, детектив поднял глаза на Райма. — Здесь есть подпись. «Часовщик».

Райм приподнял бровь.

— У нас два трупа и лунный мотив. — Упоминания астрономических явлений в подобных случаях, как правило, означали, что убийца намерен совершать подобные преступления еще много-много раз. — У него большие планы.

— Ну вот видишь. А по какой бы другой причине я зашел к тебе, Линк?

Райм бросил взгляд на начало своего послания в «Таймс». И закрыл программу обработки текста. С эссе о «До и После» придется подождать.

ГЛАВА 3

8:08

Какой-то едва различимый звук за окном. Похрустывание снега.

Амелия Сакс замерла, выглянула на улицу, в тихий, белый от недавней пороши задний дворик, однако никого не увидела.

Она находилась на расстоянии получаса езды к северу от города, одна в нетронутой временем загородной вилле, построенной в тюдоровском стиле. Здесь царила мертвая тишина. Да уж, действительно мертвая, подумала Амелия, вспомнив, что владельца дома больше нет в живых. По окончании рождественских каникул виллу продадут.

Снова поскрипывание снега за окном. Сакс была девушкой городской, привычной к какофонии звуков Манхэттена, самых разных, как угрожающих, так и безобидных. Любое же нарушение идеальной сельской тишины приводило ее в ужас.

Это были шаги?

Высокая рыжеволосая следователь в черной кожаной куртке, темно-синем свитере и черных джинсах мгновение внимательно вслушивалась, рассеянно почесывая затылок. До нее снова донеслось поскрипывание за окном. Тогда она расстегнула молнию на куртке, чтобы легче было достать «глок». Пригнувшись, выглянула в окно. Ничего...

И вернулась к работе. Амелия расположилась в роскошном офисном кожаном кресле и принялась изучать содержимое громадного письменного стола. Задача не из легких, так как она, собственно, толком не знала, что ищет. Что случалось нередко, когда приходилось осматривать место преступления, которое таковым могло быть названо с большой натяжкой. А этот дом вряд ли вообще можно было назвать местом преступления. Сюда, скорее всего, не ступала нога ни одного преступника, здесь не находили никаких трупов, не прятали награбленное. Амелия находилась в редко использовавшемся жилище человека по имени Бенджамин Крили, умершего за много миль отсюда и в последний раз навещавшего свой загородный дом больше чем за неделю до смерти.

И тем не менее она должна была провести осмотр дома, и осмотр тщательный, так как Амелия Сакс прибыла сюда не в своей обычной роли — эксперта-криминалиста, специалиста по осмотру места совершения преступления. Она выступала в качестве старшего детектива в ее первом собственном деле об убийстве.

Вновь непонятый звук снаружи. Лед? Снег? Ветка дерева? Олень? Белка?.. Она вновь не обратила на него внимания и продолжила поиск, начавшийся благодаря узлу, затянутому на куске хлопчатобумажной веревки.

Именно на этой бельевой веревке и закончилась жизнь пятидесятишестилетнего Бена Крили. Бена нашли свисаю-

щим с перекладины балкона две недели назад у него дома в Верхнем Ист-Сайде. На столе лежала предсмертная записка, и не было заметно никаких признаков насильственной смерти.

Тем не менее практически сразу после гибели мужа в нью-йоркскую полицию явилась Сюзанна Крили, вдова покойного. Как оказалось, она не могла поверить в то, что ее муж был способен покончить с собой. Да, конечно, в последнее время богатый бизнесмен и финансист пребывал далеко не в лучшем расположении духа. Но, по ее мнению, по очень простой и естественной причине: он много и подолгу работал над каким-то особенно сложным проектом. Порой Бен действительно впадал в мрачное настроение, становился нелюдимым, однако это его состояние не имело ничего общего с суицидальной депрессией. Раньше у Крили никогда не было никаких психологических или эмоциональных проблем, он никогда не принимал антидепрессантов. Финансовое положение было вполне устойчивым и не могло внушать опасений. В последнее время он не вносил никаких изменений в завещание и не делал никаких корректив в страховке. Его партнер Джордан Кесслер находился в командировке у одного из их клиентов в Пенсильвании. Следователь имела короткую беседу с Кесслером, и тот подтвердил, что хотя Крили и производил впечатление глубоко подавленного человека, но, по мнению Кесслера, не был похож на самоубийцу.

Сакс была постоянным ассистентом Линкольна Райма и занималась осмотром мест преступления, однако ей хотелось большего. Она постоянно искала возможность самостоятельно заняться расследованием какого-нибудь дела об убийстве или террористического акта. Кто-то в Большом доме решил, что смерть Крили заслуживает более внимательного рассмотрения, и дал Амелии шанс проявить себя. Однако, помимо общего мнения, что у покойного не было суицидальных наклонностей, Сакс не могла найти никаких доказательств того, что в данном случае имело место преступление. И вдруг она сделала неожиданное открытие. Медэксперт сообщил, что на мо-

мент смерти у Крили был сломан большой палец и вся его правая рука была загипсована. Что означало одно: он сам никак не смог бы затянуть узел на петле, в которой повесился.

Сакс знала это наверняка, так как раз десять пыталась затянуть петлю. Это невозможно, не пользуясь большим пальцем. Может быть, он завязал ее еще до падения с велосипеда за неделю до смерти. Версия, что кто-то способен завязать петлю и держать ее под рукой в ожидании удобного случая для самоубийства, казалась более чем абсурдной.

Амелия охарактеризовала смерть Крили как подозрительную и открыла дело об убийстве.

Вскоре стало понятно, что расследование предстоит непростое. Касательно убийств существует одно хорошо известное правило: они либо раскрываются в течение первых двадцати четырех часов, либо на их расследование уходят месяцы. Из того небольшого числа имевшихся вещественных доказательств (бутылка, из которой пил покойный перед смертью, записка и веревка) вряд ли можно было получить какую-то полезную информацию. Свидетели отсутствовали. Отчет, представленный полицией, умещался на половине страницы. Детектив, который первоначально занимался этим делом, постарался закрыть его как можно скорее, как часто бывает с самоубийствами, и, естественно, никаких ценных сведений своей преемнице тоже не мог предоставить.

След, который мог привести к каким-нибудь подозреваемым в городе, где работал Крили и где его семья проводила большую часть времени, едва прощупывался. На Манхэттене Сакс оставалось только еще раз более внимательно допросить делового партнера покойного. В данный момент она занималась одним из тех немногих источников, которые могли ей дать хоть какую-то информацию, — осматривала загородный дом семейства Крили, где они, правда, бывали крайне редко.

Но и здесь Амелию ждала неудача. Ничего ценного она не нашла. Сакс откинулась на спинку кресла, глядя

на сделанную незадолго до смерти Крили фотографию, на которой он пожимает руку человеку с внешностью преуспевающего бизнесмена. Оба стоят на бетонированной площадке аэропорта перед частным самолетом какой-то компании. На заднем плане выделяются нефтяные вышки и трубопровод. Крили улыбается. И вовсе не выглядит подавленным. Впрочем, на фотографиях редко кто выглядит подавленным.

И тут снова послышался скрип, очень близко, у окна, прямо у нее за спиной. Затем опять, еще ближе.

Это не белка.

Амелия извлекла «глок». Один сверкающий девятимиллиметровый в патроннике и тринадцать под ним. Сакс осторожно вышла в центральную дверь и обошла дом, держа пистолет обеими руками, но не перед собой (никогда нельзя держать пистолет перед собой, когда огибаешь угол, его могут выбить; в кино всегда все показывают неправильно). Быстрый взгляд по сторонам. Все чисто. Затем она пошла назад, осторожно ступая своими черными ботинками по обледеневшей тропинке.

Остановилась, прислушиваясь.

Да, совершенно определенно шаги. Кто-то неуверенно продвигался, вероятно, к задней двери дома. Остановка. Шаг. Снова остановка.

Готова, сказала себе Сакс.

Она подошла вплотную к заднему углу дома.

И тут поскользнулась на обледеневшем асфальте. Нога Амелии проехала по льду всего несколько дюймов — вполне достаточно, чтобы она невольно, но достаточно громко выдохнула. Еле слышно для нее самой.

И все-таки достаточно громко, чтобы ее услышал тот, другой человек.

До Амелии донесся звук шагов на заднем дворе, поскрипывание снега. Черт!..

Амелия присела — на случай если это был просто маневр, чтобы отвлечь ее, — и выглянула из-за угла, быстро подняв «глок». Она увидела долговязого мужчину в джинсах и толстой куртке, со всех ног бегущего от нее по снегу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. Вторник	7
ЧАСТЬ II. Среда	309
ЧАСТЬ III. Четверг	459
ЧАСТЬ IV. Понедельник	555